

В. Н. Гинев, М. Н. Румынская

Неопубликованная статья Р. Ш. Ганелина 2014 г.

Публикуемую статью Рафаил Шоломович Ганелин закончил буквально за несколько дней до своей кончины 12 октября 2014 г. Она предназначалась для одного сборника, который, к сожалению, так и не был издан. О том, что статья написана, стало известно из телефонных звонков Рафаила Шоломовича М. Н. Румынской и В. А. Нардовой накануне его помещения в больницу. М. Н. Румынской, много лет набиравшей на компьютере сложные рукописные тексты Р. Ш., удалось среди хаоса многочисленных черновых записей, выписок из архивных и печатных источников, оставшихся на рабочем столе покойного, найти и собрать полностью весь текст его последней статьи.

Найденная рукопись занимает тридцать листов формата А-4, написана фиолетовой и черной шариковыми ручками. Под знаком вставок рукой автора разными цветами и карандашом сделаны исправления и дополнения на полях, оборотах и отдельных листах. К рукописи приложена ксерокопия статьи И. Клямкина «Какая улица ведет к храму?» из журнала «Новый мир» № 11 за 1987 г., где есть пометы рукой Р. Ш. Фрагменты текста Клямкина Р. Ш. использовал в своей статье с соответствующими ссылками. После публикации статьи рукопись и ксерокопия будут сданы в Научно-исторический архив СПбИИ РАН в личный фонд Р. Ш. Ганелина.

Р. Ш. Ганелин начинает свою статью с упоминания о выступлениях И. М. Клямкина 27 июня, 1 и 15 июля 2014 г. на радио «Эхо Москвы», но содержания этих выступлений не раскрывает (найти их на сайте «Эха» не удалось) и потому остается неясным, почему они побудили Р. Ш. сразу после них на-

писать эмоциональную гневную отповедь автору давней (1987 г.) публикации в «Новом мире», в которой, по мнению Р. Ш., оправдывалась бесчеловечная насильственная коллективизация. Тем более что сам Р. Ш. счел нужным указать: «В своих выступлениях по радио в 2014 г. И. М. Клямкин о своей старой статье не упоминал». Между тем повод для жесткой полемики с И. М. Клямкиным у Р. Ш. появился еще в 2011 г., когда В. М. Зубок в книге о Д. С. Лихачеве впервые обнаружил (в пересказе и прямом цитировании) его внутренний отзыв в качестве члена редколлегии «Нового мира» о статье И. М. Клямкина, отзыв резко отрицательный. Получить копию полного текста отзыва Д. С. Лихачева из архива ИРЛИ Р. Ш. Ганелину не удалось. По свидетельству В. М. Зубока, 17 февраля 2011 г. (т. е. еще до выхода книги о Лихачеве: она была подписана в печать 25 октября 2011 г.) у него состоялся разговор с И. М. Клямкиным, во время которого он, по всей вероятности, познакомил его с найденным в архиве академика отзывом. О реакции Клямкина Зубок прямо не сообщает. Тем не менее Р. Ш. Ганелин имел, на наш взгляд, основания интерпретировать разговор Зубока с Клямкиным так, как он написал в своей статье. Рафаил Шоломович полностью солидаризируется с отзывом Д. С. Лихачева, но делает это не в 2011, а в 2014 г.

В статье Р. Ш. Ганелина большой фрагмент из статьи И. М. Клямкина набран более мелким кеглем и дан с отступом от поля. Так же набран и отзыв Д. С. Лихачева из книги В. М. Зубока, при этом прямые цитаты в отзыве выделены курсивом.

Р. Ш. Ганелин

О постоянстве взглядов по дороге к храму и старой статье современного автора

27 июня, 1 и 15 июля 2014 г. по радио «Эхо Москвы» выступал с лекциями И. М. Клямкин. Активный и популярный публицист перестроечных времен, он и сейчас — влиятельная фигура среди тех, кто занят анализом нашей действительности и близких к ней лет, совмещающая директорство в одном из научных институтов этого профиля с профессорством в Высшей школе экономики, советником научного руководителя которой он является.

Не стоило бы останавливаться на всего одной из его 300 опубликованных работ, появившейся еще в 1987 г.¹, если б он и через 20 с лишним лет не относился к тогдашним своим взглядам с почтительной непререкаемостью. Озаглавленная словами известного фильма тех лет, эта статья, посвященная коллективизации, была написана с целью доказать, что гигантская сталинская душегубка представляла собой «историческую закономерность». Клямкина беспокоило

«тревожаще-неприятное эхо внутри многих из нас», вызванное вопросом: «Зачем же эта улица, если она не ведет к храму?», которым кончался фильм².

Автор призывал к «углубленному изучению законов реального социализма». «Решив эту задачу, мы, быть может, и ответим на вопрос, как нам, не сходя с нашей улицы, дойти до храма», — так завершалась статья И. М. Клямкина³.

Получив статью Клямкина, редакция, несомненно, понимая ее остро политическое значение (в начале статьи прямо говорилось о реабилитации Сталина, сторонником этого автор не был), обратилась за отзывом к акад. Д. С. Лихачеву, одному из новых членов редколлегии журнала, имя которого появилось в № 2 за 1987 г. Отзыв о статье Клямкина был, вероятно, первой работой, выполненной Д. С. в этом качестве. Он согласился его дать, несмотря на то что от предмета его научных занятий тема Клямкина была далека. Впрочем, это были такие времена, когда некоторые из академиков шли вслед за А. Д. Сахаровым, и Д. С. был среди них.

Полагаю, что рецензент обратил внимание на определение автором своей статьи как «размышлений о нашей исторической улице и о том, могла ли она быть иной», и особенно — на последовавшую за этим декларацию об истории, которая «должна предстать перед нами такой, какой она была». К тому же в примечании к статье редакция «Нового мира» заявляла, что она намечает публикацию целого ряда работ по проблемам советской истории.

Ныне литература об индустриализации и коллективизации представляет собой возникшее вслед за появившимся в 60-х — 70-х гг. в эмиграции⁴ значительное направление в изучении советской истории. Но тогда эта ее трагическая страница предстала перед редакцией «Нового мира» под двумя перьями — И. М. Клямкина и бывшего лагерника, духовного лидера интеллигентского слоя в рядах российских политиков, выдающегося ученого-филолога и литературно одаренного человека.

Отрицательный отзыв Д. С. Лихачева о статье Клямкина, несмотря на который, она была напечатана в журнале, оставался неизвестным до тех пор, пока В. М. Зубок не изложил его в своей книге о Д. С. Лихачеве⁵. Этот российско-американский автор, недооцененный с моей точки зрения в нашей историографии, — внук проф. Л. И. Зубока, который был одесситом, эмигрировавшим в США, стал там деятелем американского революционного рабочего движения, вернулся в СССР и получил широкую известность как советский американист и автор курса лекций по новейшей истории, изданного Высшей партийной школой. Обвиненный в 1949 г. в космополитических грехах, он был одним из всего двух профессоров МГУ, не признавших партийной критики, вследствие чего потерял работу и там, и в ВПШ. С непригодностью к советским нравам его жизнь оказалась связанной до самого конца. Приехав в Ленинград для оппонирования на докторской защите, он, приняв снотворное, лег спать в гостиничном номере, но был разбужен для перевода в другой номер и скончался во время этой процедуры.

В. М. Зубок, обнаружив в бумагах Д. С. Лихачева его отзыв о статье И. М. Клямкина, обратился по этому поводу к ее автору в феврале 2011 г. А тот не только не стал признавать, объяснять или оправдывать свои прежние традиционалистские взгляды, но и заявил, что его статья, опубликованная вопреки Лихачеву, вызвала колоссальный резонанс в СССР и за рубежом⁶.

Между тем за прошедшую четверть века многие губительные последствия коллективизации стали очевидными, как и порочность самой идеи осуществляемого в общегосударственном масштабе силового вмешательства в процесс исторического развития.

Чтобы пренебречь мнением Лихачева, надо было закрыть глаза и уши, не замечая многих событий в его собственной жизни. Все они, включая как разные формы преследований со стороны власти вплоть до физического нападения и угрозы поджога квартиры в 1970-х — первой половине 1980-х годов, так и официальное признание его нравственного авторитета с началом перестройки, описаны В. М. Зубоком, который не мог не увидеть этической уместности или даже необходимости ознакомления своего читателя с отзывом Лихачева: принципиальность Клямкина соответствовала поведению Л. И. Зубока с «точностью до наоборот».

Перед тем как остановиться здесь на лихачевском отзыве в воспроизведении В. М. Зубока, приведем тот фрагмент статьи Клямкина, в котором, как представляется, он наиболее полным образом выразил свою непоколебимую приверженность идее сталинской коллективизации.

«Знаю, слышал от многих: нельзя, не надо было свертывать нэп, это гигантская ошибка, за которую до сих пор расплачиваемся. Говорить сегодня о том времени иначе — рискованно: отлучение от прогресса не заставит себя ждать, как и зачисление в ряды защитников административной старины. И потому еще раз: можно ли было сохранить нэп?

Если вы отвечаете “да”, то вам придется переселиться в то время и рассказать, как бы вы решали проблемы, которые возникли во второй половине 20-х годов после завершения восстановительного периода.

Вам придется учесть, что промышленность не могла удовлетворить всё возрастающий крестьянский спрос на свою продукцию. Раз деньги, вырученные за хлеб и другие сельскохозяйственные продукты, не обеспечивались товарами, значит, продажа хлеба теряла смысл, хлеб стали придерживать. Придерживать же в первую очередь стали те, у кого денег и хлеба было больше, то есть наиболее зажиточные слои деревни. Но так как доля хлеба, поставляемого этими слоями на рынок, была весьма значительной, то хлебозаготовительные трудности, с которыми столкнулось государство, оказались весьма чувствительными. Говоря иначе, экономический механизм разболтался и давал сбои. Уже приходилось прибегать к усиленному административному регулированию его в ходе хлебозаготовок, что грозило разрушить его окончательно и создавало в деревне напряженную обстановку. Чтобы увеличить количество промышленных товаров, нужно было технически перевооружить предприятия, а для этого построить новые, которые создавали бы новую технику и давали для нее металл. Но механизм нэпа не вырабатывал средств на индустриализацию. Прибыль, поступающая от промышленности, была мизерной, если сравнивать ее с грандиозностью задач. Чтобы увеличить прибыль, можно было поднять цены, как предлагали

“левые”, но цены поднять было нельзя, их, наоборот, постоянно снижали, чтобы не создавать преимуществ жакиточным группам населения и не испортить отношения с городским и деревенским большинством, которому высокие цены были не по карману. Но по той же причине были отвергнуты и предложения бухаринской группы о повышении цен на хлеб, до этого тоже сниженных.

Расскажите, как бы вы распутали весь этот клубок проблем, за какую ухватились бы ниточку. И еще не забудьте, что вы отвечаете за обороноспособность страны, что вам надо позаботиться о создании самой современной военной техники, которая требует гигантских затрат и не даст взамен никаких доходов. И не пытайтесь облегчить свою задачу рассуждениями типа того, что надо, мол, еще разобраться, от кого исходила в то время военная угроза, так ли уж велика она была и не прикрывал ли кое-кто ссылками на нее свои черные замыслы и дела. Если даже непосредственной угрозы нет, то ни один государственный деятель, пребывающий в здравом уме, не станет ждать, пока она возникнет, чтобы лишь затем приняться за создание военной промышленности.

Ни у кого из политических деятелей того времени, стоящих на платформе нэпа, я убедительных ответов на все возникшие тогда “как?” и “за счет чего?” не нашел. Если вы вслед за некоторыми из тех деятелей считаете, что индустриализация пошла бы успешнее без неслыханного нарушения пропорций между промышленностью и сельским хозяйством, между тяжелой и легкой индустрией, попробуйте доказать это. Но если даже не найдете решения в прошлом и придумаете его задним числом, всё равно не скрывайте его. Это очень важно для понимания нашей истории.

Но если нам с вами сказать нечего, то давайте пересилим себя и не постесняемся произнести вслух: победили тогда сильнейшие, и никто, кроме них, победить не мог, потому что другого “проекта застройки” нашей улицы, способного конкурировать с коллективизацией, в ту пору не было. Признать это — вовсе не значит осудить тех, кто думал тогда иначе. Более того: позиция многих из них выглядит сегодня привлекательней, чем позиция победителей. Речь идет лишь о том, что соотношение исторических сил было в пользу вторых, а не первых. И больше ни о чем. Но даже с этим, зная последующую судьбу нашего крестьянства и сельского хозяйства, трудно примириться. Поэтому рука, послушная рассудку, выводит утвердительный ответ, а душа всё мучается и мучается безответным вопросом: а может быть, всё же могло быть иначе? Трезвый рассудок неумолим: нет, не могло. Но как хочется, чтобы он ошибся!

Да, всё решалось соотношением сил. Но почему оно было таким, а не другим? Почему большинство крестьян примирилось с коллективизацией, которая подвела фундамент под здание Административной Системы? Почему опрокинули они все прогнозы и законы, согласно которым всё должно было кончиться падением советской власти? Почему?

Вспомним сцену раскулачивания в только что опубликованном “Котловане” Андрея Платонова. Вспомним жуткий, ничем не остановимый танец, исполняемый деревней, только что сплавившей по реке в никуда своих бывших односельчан. Жуткий, потому что мы знаем и то, что было потом. Пляска на собственных похоронах! Но это было. И это — ответ на интересующий нас вопрос. Большинство крестьян примирилось с коллективизацией, потому что в кулаке видело своего врага. Потому что не успело “обуржуазиться”, не было готово к конкурентной борьбе на рынке, боялось его разоряющей стихии еще с дореволюционных времен. Потому что едва-едва вышло, а точнее — выходило только из патриархального и мелкотоварного хозяйствования. Потому что идея коллективизации чем-то напоминала хорошо знакомую и близкую общинную коллективность.

Можно сказать и наоборот: если крестьянин предпочел коллективизацию кулаку, если готов был записать и часто зачислял в кулаки крепкого середняка,

если благословил удаление из деревни наиболее зажиточной и приспособленной к свободному рыночному хозяйству, наиболее “буржуазной” части населения, значит, он, крестьянин, в массе своей был добуржуазным. Вот что опровергло все прогнозы и опровергло все “законы”, по которым коллективизация должна была привести к политической катастрофе!»⁷

Вот как изложен В. М. Зубоком отзыв Д. С. Лихачева о статье И. М. Клямкина, написанный Д. С. одновременно с внутренней рецензией для издательства «Советский писатель» с горячей поддержкой издания книги Е. Б. Пастернака о его отце.

Начав с того, что название очерка Клямкина перекликалось с темой фильма «Покаяние» Т. Абуладзе, который был с его точки зрения одним из главных событий перестройки, он продолжал:

«Лихачев писал, что начал читать очерк с желанием поддержать публикацию ради дискуссии, даже если будет расходиться в оценках с автором. Первые же страницы, однако, заставили его изменить свою позицию: *“Уж очень легко автор подходил к Каткову, к «Вехам» и пр.”*. По мнению Д. С., Клямкин огульно обвинял русскую интеллигенцию в революции, якобы выражая мнение консервативно-религиозных публицистов и философов 1860-х и 1900-х годов. Но самый сильный протест у Лихачева вызвали рассуждения Клямкина о коллективизации. В это время в кругах “шестидесятников” пользовалось популярностью мнение историка М. Левина, считавшего крестьянство одной из опор нарождавшегося сталинизма. Клямкин писал, что большинство бедного и среднего крестьянства (он называл их “игнашками”) смирилось с большевистской коллективизацией и даже поддержало уничтожение кулачества. От этой мысли было недалеко до утверждения, что русский мужик сам выбрал себе кандалы и плетку. Позднейшие исследования, основанные на архивах, выявили, что крестьянство ожесточенно сопротивлялось коллективизации, что по стране прокатились тысячи восстаний и протестов. Лихачев был возмущен, что автор, не зная материала, берется судить о нем понаслышке, умозрительно-схематически. Он писал редактору “Нового мира” С. П. Залыгину: *“А я знаю, что такое было уничтожение миллионов крестьян — детей, стариков, здоровых работников. Я знаю, что такое был голод в Великороссии и на Украине. Я видел поезда теплушек с замерзшими детьми, стариками. Я видел сам, как выбрасывали из окон детей на снег с запиской, вроде следующей: «Добрые люди, помилосердствуйте, сохраните младенчика. Звать Марией». Я видел полусожженные теплушки, где замерзающие люди пытались развести огонь и сгорали сами. Я жил в Ленинграде, когда Ленинград был наполнен крестьянскими семьями в лаптях (бедняки, признанные «подкулачниками»), которых не пускали на лестницы, чтобы хоть немного укрыться от морозов. Я до сих пор не могу спокойно проезжать мимо одного из ленинградских подъездов, с которого вход на лестницу был заперт и где жались матери, чтобы согреть детей, положенных штабелями — как дрова. Всего не расскажешь”*.

Лихачеву претили попытки некоторых “шестидесятников” найти смысл в ленинском и сталинском произволе. Окончательно его вывело из себя то, что уничтожение русского крестьянства *“автор пытается объяснить исторической необходимостью, в сущности, как ни вертись, оправдать. Он противопоставляет свое «почему» (якобы более высокое) — «кто виноват». Автор уверяет, что «крестьяне согласились на коллективизацию и приняли ее». Миллионы умерших тоже [может быть] приняли?”* В рецензии Лихачева видно его глубокое сочувствие крестьянам, которые стали жертвами сталинского произвола и при этом были

забыты или оболганы на затеянном городскими интеллигентами “суде истории”. Уже в августе 1988 года он скажет в одном из интервью: *“Крестьянство мне особенно жалко. О крестьянах пишут, но мало. Все остальные могут оставить о своих страданиях какие-то документы, воспоминания. А крестьянских воспоминаний об их депортации [1929–1933 гг.] нет”*.

В рецензии Лихачев высказал свое резко отрицательное отношение к попыткам оправдать преступления власти “исторической закономерностью”. *“Безнравственно видеть в преступлениях нескольких параноиков «закономерности истории» <...> Надо быть совершенно невнимательным к историческим фактам, чтобы не замечать в истории явных случайностей, произвола личностей, преступных акций или, напротив, героических поступков, спасавших целые города”*. Д. С. даже сослался на актуальную тогда дискуссию о ядерной угрозе. *“Нажмет какой-нибудь сумасшедший в США кнопку и помчатся ракеты. Теперь-то уж нелепо говорить о том, что повсюду одни закономерности, а люди, случайно проравшиеся к кормилам правления, мудрецы как на подбор, знающие куда только нужно править”*. Лихачев заканчивал свою рецензию жесткой прокламацией: *“Ни тени закономерности, могущей оправдать преступления против человечества! Никакой «административной системы» — одна только бессистемность тирании. Тирания несовместима с системой. Направлять обсуждение нашей истории на альтернативу — «закономерность» или «система» нельзя”*. Доживи Лихачев до наших дней, вероятно, он отреагировал бы еще более резко на современные рассуждения С. Кургиняна и других российских апологетов Сталина — в печати и по телевидению — о “необходимости коллективизации” и других злодеяний тоталитарного режима⁸.

Читатель видит, что Лихачев руководствовался не высокими по их фальшивому звучанию соображениями государственной целесообразности, а тем, что как раз в тот исторический момент получило у нас прозвучавшее сверху название «общечеловеческих ценностей». Попросту говоря, он отказывался признать живодерство средством осуществления любых политических и социальных преобразований, какие бы благие цели им ни придавались. Всякий, допускающий такую возможность, был для него попросту человеконенавистник.

Что касается аргументов Клямкина, приводимых в пользу сталинской коллективизации, то им, прямым или косвенным, посвящена вся его статья. Поэтому возникает необходимость рассмотрения по крайней мере некоторых из них.

Так, И. М. Клямкин твердо стоит на том, что предшествовавшая принятию новой экономической политики хозяйственная система советской власти была выработана во время Гражданской войны. «Неужели надо напоминать, что экономическая политика того времени называлась *военным коммунизмом?*» — пишет он⁹.

Это была одна из самых ортодоксальных партаппаратных истин, поддерживавшаяся Институтом марксизма-ленинизма даже с помощью произвольной правки текстов Ленина при подготовке полного собрания его сочинений. Но сотрудник нашего института В. И. Биллик¹⁰ еще в 1967 г. опубликовал статью «В. И. Ленин о сущности и периодизации советской экономической политики в 1917–1921 гг. и о повороте к нэпу»¹¹. Он убедительно доказывал, что экономическая политика, проводившаяся во время Гражданской войны, была

прямым и последовательным осуществлением ленинской программы, выработанной в дореволюционное время. В 1977 г. В. И. Биллику удалось издать в Москве брошюру «Разработка Лениным экономической программы социалистической революции в России (конец XIX в. — 1917 г.)». Однако написанная им монография на эту тему так и не увидела света. Впрочем, его точка зрения, хотя и без ссылок на него, получила молчаливое признание.

Клямкин же прошел мимо этого, лишив идею коллективизации ее уходящих в ленинизм корней. В политических битвах раннеперестроечного времени это имело свое значение, т[ак] к[ак] нэп был в 1928 г. объявлен Сталиным возвратом к первым месяцам советской власти.

Однако в чем И. М. Клямкин был пионером, так это в вопросе об отношении либеральной оппозиции к государственной власти. Он и начал свою статью с яркого литературно-политического портрета М. Н. Каткова, в котором видел всем вопреки «духовного учителя» российской перестройки, преданного идеям свободы слова, прав личности и соблюдения человеческого достоинства.

«Сейчас мы, — писал И. М. Клямкин, — в начальной точке разбега. С чем же мы подошли к ней? Если за душой лишь тяжелая, гнетущая мысль об улице, не ведущей к храму, то с ней особо не разбежишься, а тем более не прыгнешь <...> Что вынесли, что вобрали мы в себя из национальных культурных традиций? <...>

Никто не выбрал <...> своим духовным учителем Каткова. Всесильный редактор “Русского вестника” нашел исследователей, но не последователей. Ни у кого не возникло желания назвать его по имени и отчеству».

Впрочем, такого желания не возникло именно у И. М. Клямкина. Что же касается вовсе им не названной В. А. Твардовской, то она в своей получившей широкую известность книге¹², разумеется, не могла стать последовательницей Каткова, как хотелось бы Клямкину, писавшему о молодом Каткове: «Ему и в голову, наверное, тогда не приходило, что сады свободомыслия могут расцвести в стране благодаря заботливому искусству таких садовников, как царь Николай и его министры»¹³. Здесь имелся в виду Николай I. Но И. М. Клямкин распространял это катковское отношение к государственной власти на все времена и формы ее существования, включая современные. «Ему не простили, — писал он о Каткове, — “диалектическую” изобретательность ума, воплотившуюся в утверждении, что высшее проявление личной независимости — в добровольном служении престолу и государству, которое одно только и может обеспечить развитие свободной индивидуальности в России».

«Не простили по сей день», продолжал он, сожалея, что реабилитация последних 30 лет не коснулась имени Каткова. «Впрочем», он не терял надежды и считал, «что лучше не спешить с прогнозами». «Ведь сами по себе его идеалы и в нашем веке звучат вполне благозвучно, если не более того», — утверждал он¹⁴. Разумеется, даже для бурной московской политической действительности 1987 г. это был бы экзотический сюжет.

Но обратимся к историческим оценкам коллективизации и их роли в отнюдь не экзотических попытках реабилитации Сталина, упоминая о которых, Клямкин начинает свою статью.

Наша историография проблемы к началу перестройки в 1987 г. не достигла еще фундаментальных результатов, позже были переведены на русский язык и вышедшие за рубежом работы, отмеченные в примечании № 4. Но общественные представления о голодоморе (таким словом до сих пор называют коллективизацию на Украине¹⁵, хотя это, как представляется, относилось ко всему крестьянству, русскому и других народов СССР) уже далеко отходили от сталинского трафарета. Это видно и по той полемике, которую вел Клямкин в своей статье. Отход начался за много лет до этого, хотя именно по отношению к коллективизации он осуществлялся с опозданием и не без труда. Помню, что в 1956 г. на пресловутой читательской конференции журнала «Вопросы истории» в Ленинграде после XX съезда единственное обращение к крестьянской теме содержалось в не вызвавшем отклика выступлении никому из присутствовавших не известного сельского учителя.

В. М. Зубок как знаток зарубежной, в частности американской, советологии отметил влияние на Клямкина и его советских ровесников эмигрировавшего из СССР и ставшего американским автором М. Левина, «считавшего крестьянство одной из опор нарождавшегося сталинизма»¹⁶. Работа Левина «Русское крестьянство и советская власть» (1962 г.) содержала в частности анализ природы политической диктатуры в крестьянской стране. Отклики на эту книгу у нас последовали только через ряд лет¹⁷. Между тем, по словам В. М. Зубока, и «Клямкин писал, что большинство бедного и среднего крестьянства <...> смирилось с большевистской коллективизацией и даже поддержало уничтожение кулачества»¹⁸.

В конце 1960-х — начале 1970-х гг. журнал «Молодая гвардия» с благословения КГБ открыл кампанию против «Нового мира» и писателей, не дававших предать забвению XX и XXII съезды партии. «Молодогвардейцы» бравировали своим национализмом. Один из их предводителей, С. Н. Семанов, писал, что «перелом в деле борьбы с разрушителями и нигилистами произошел в середине 30-х годов»¹⁹.

Руководство ЦК на словах наводило благопристойность, но Твардовский должен был покинуть «Новый мир», Яковлев — отдел пропаганды и агитации ЦК, став послом в Канаде, а Дементьев — Институт мировой литературы²⁰. Яковлев вызвал недовольство секретариата ЦК вплоть до Брежнева своей статьей в «Литературной газете» 15 ноября 1972 г. «Против антиисторизма», приуроченной к 50-летию СССР. Он показал ее до печатания тем цекистам, которые занимали наиболее разумные позиции — близкому к семье Брежнева акад. Н. Н. Иноземцеву, помощнику Брежнева А. М. Александрову-Агентову, главному редактору «Комсомольской правды» Б. Д. Панкину. Они ее одобрили.

«Моя статья, как и статья Дементьева, — вспоминал Яковлев, — была выдержана в стиле марксистской фразеологии. Я обильно ссылался на Маркса и Ленина, и всё ради одной идеи — предупредить общество о нарастающей опасности великодержавного шовинизма, агрессивного местного национализма и антисемитизма. Критиковал Лобанова, Чалмаева, Семанова и других апологетов охотничества.

Главный редактор “Литературки” проницательный Александр Чаковский спросил меня:

- А ты знаешь, что тебя снимут с работы за эту статью?
- Не знаю, но не исключаю»²¹.

В статье Яковлева коллективизация, разумеется, упоминалась как социальное преобразование исторического значения. Впоследствии он относился к этому иначе. «Исповедь? И это тоже, — писал в предисловии к его книге Григорий Бакланов. — Но для исповеди, для покаяния нужны и мужество, и честность, которых, к сожалению, не хватает большинству наших государственных деятелей»²².

Воспроизведенные в этом предисловии в яковлевском описании трагедии коллективизации не уступают тем, о которых говорилось в отзыве Лихачева. «Закалка номенклатуры началась еще в эпоху голода 30-х годов, порожденной сталинской коллективизацией. Современники свидетельствуют, — писал Яковлев, — что около райкомов партии, где находились спецстоловые, собирались умирающие от голода крестьяне и дети, опухшие и кричащие от нестерпимого голода. В этих столовых по заниженным ценам номенклатуре продавались белый хлеб, мясо, птица. Даже обслуживающему персоналу полагался так называемый “микояновский паек”, содержащий двадцать наименований продуктов»²³.

Как бы то ни было, через двадцать с лишним лет, когда Клямкину довелось беседовать с В. М. Зубоком, академическое исследование коллективизации как важнейшей части сталинской политики дало результаты, не позволявшие от них отмахнуться. Научное и общественное признание получили в частности работы и публикации В. П. Данилова, сопротивление которому со стороны заведовавшего Отделом науки ЦК КПСС С. П. Трапезникова во второй половине 1960-х — 1970-х годах было в гуманитарной научной среде хорошо известно. Так что и в 1987 г. традиционалистское отстаивание сталинской политики, как и ссылки на подсудимых на процессе над меньшевиками 1931 г., признававшимися в том, что они не верили в победу политики коллективизации²⁴, выглядело, мягко говоря, устарелым. Судьба Н. И. Вавилова, Н. Д. Кондратьев и А. В. Чайанов в статье вовсе не упоминались, как и расстрелы через несколько лет после суда специалистов и ученых, несогласие которых со сталинской экономической политикой превратилось во вредительство.

Не затрагивая всех оценок коллективизации (глубинный замысел изобретателей этой политики состоял, как представляется, в сосредоточении всего

продовольствия страны в руках государственной власти, что делало ее полностью безраздельной²⁵), остановимся на военном ее значении. Она сыграла отрицательную для СССР роль в войне, которую Сталин 19 августа 1939 г. перед заключением первого из пактов с Гитлером представлял себе и группе своих слушателей как большую войну, к которой следует стремиться, ибо без нее невозможна мировая революция. Он надеялся, что Германия, заключив договор с СССР, развяжет войну в Европе, которая сделает хозяином положения его. Гитлер же видел таковым себя.

В многочисленных германских военно-вспомогательных формированиях 1941–1945 гг. были представители различных национальностей СССР, в большинстве своем крестьяне²⁶. Их количество применительно к общей численности населения СССР и его вооруженных сил значительно превышало аналогичные цифры по другим воевавшим с Германией странам. К. Е. Ворошилов как нарком обороны крестьянской страны сопротивлялся коллективизации до последних возможностей.

А как средство неограниченной эксплуатации крестьянства и осуществления политической диктатуры коллективизация была весьма эффективна. Недаром ведь Гитлер на оккупированной территории СССР не только не создал единых органов власти, но и сохранил колхозы. Не стала ли коллективизация и в глазах самого Сталина при всей его снисходительности к себе одной из тех всего-навсего «ошибок» его правительства, которых было «немало» и за которые, как он сказал в своей послевоенной речи, «другой народ прогнал бы такое правительство»?

Оказавшись роковой для сельского хозяйства страны, коллективизация отнюдь не способствовала решению продовольственного вопроса во время войны, в отличие от того, как справилось с этим, несмотря на уход в армию мужчин и другие мобилизационные мероприятия, российское крестьянство в годы Первой мировой войны.

Только высокая общая народная нравственность предотвратила более губительные последствия предвоенной политики власти.

Вот два высказывания участников войны, наблюдательных и тонких интеллигентов. М. Я. Гефтер в 1987 г. так изложил и осмыслил свои воспоминания: «Смоленщина, начало октября 1941-го, удивительная голубизна неба и еще более удивительная тишина, бредущий по обочине красноармеец, один-единственный впереди и позади, — и мое упрямое, злое нежелание довериться его словам: там, в роще, немецкие танки. <...> А перед глазами — человек, брошенный на произвол судьбы, и он же, этот человек, внезапно, на кромке смерти, обретающий свободу распорядиться собой. Именно *свободу*. Конечно же, не добровольно принял он на свои “одинокие” плечи груз безмерного бедствия и отпора сверх приказа (сверх и даже без <...>), по крайней нужде взвалил, а добрая воля пришла потом, пришла и утвердилась... Как очевидец и как историк свидетельствую: 41-й, 42-й множеством ситуаций и человеческих решений являли

собой стихийную десталинизацию (и до сегодняшнего дня не вполне оцененную в этом ее сквозном, но не стойком качестве)»²⁷.

Второе высказывание принадлежит проф. Я. Л. Рапопорту. В конце жизни Сталина он был арестован по «делу врачей», хотя, будучи патологоанатомом, имел дело не с больными, а с трупами. О людях этой профессии подручный Вышинского следователь и писатель Л. Р. Шейнин заметил, что они провели так много времени среди мертвых, что научились хорошо разбираться в делах живых. Бывший на войне главным патологоанатомом одного из фронтов Я. Л. Рапопорт писал: «Сталину и его сподвижникам недоступна была мысль о том, что, несмотря на все достижения сталинской эпохи по моральному разложению советского общества, всё же был какой-то качественный и количественный предел этому разложению. Предел определяла неистребимая природная, имманентная человеческая и гражданская совесть народа»²⁸.

Ущерб, нанесенный делу подготовки к войне неразрывной связью индустриализации и коллективизации по-сталински с невиданным по размаху и формам насилем власти над народом, ставит под сомнение ту систему приоритетов, на которую обычно ссылаются в оправдание или ради восхваления сталинской политики. При этом имеют в виду, что он прежде всего исходил из необходимости защиты страны. А он ведь не сразу поверил в гитлеровское нападение на СССР даже после того, как оно состоялось.

Нити связи протягивались из Москвы к Гитлеру еще до его прихода к власти. Возглавив после Дзержинского ОГПУ, В. Р. Менжинский, приехавший в Берлин в 1927 г. под видом бухгалтера Пахомова для ревизии советского полпредства, имел якобы случайную встречу с Геббельсом. К 1931 г. относятся сведения о встрече Сталина с Гитлером в Потти. Этому предшествовала рекомендация Сталина германской коммунистической партии считать главным своим противником не нацистов, а социал-демократов. Он придавал этому значение ленинской традиции, замысел же его состоял в том, чтобы помочь Гитлеру на выборах и в сближении с СССР. При этом репутации самой германской компартии на выборах вредил поток писем в Германию от поволжских немцев и многочисленных немецких крестьян-колонистов на юге СССР с описаниями коллективизации.

Благоприятный фон для сближения составляло содействие в военной подготовке Германии, хотя и прекращенное советской стороной после прихода Гитлера к власти²⁹.

Вплоть до момента подписания первого из двух советско-германских договоров 1939 г., как и после этого, Сталин и Гитлер держали дело советско-германских отношений в своих руках.

В этом свете настояния на оборонном значении предвоенной политики, одним из стержней которой считается коллективизация, в значительной мере теряют свою убедительность.

И. М. Клямкин и индустриализацию представляет осуществлявшейся на подобие военно-полевой кампании. Такой характер ей действительно прида-

вался вопреки тому, как собирались вести дело разгромленные меньшевики в Госплане, продолжая начатое при нэпе. Процессы над «вредителями» конца 1920-х годов подрывали систему экономических отношений с Западом, основу которой составляли Аркос в Англии, Амторг в США, деятельность таких предпринимателей, как А. Хаммер, О. Ашберг.

С этой одной из дорог к храму, хотя и не столбовой, не сошли и те, кто продолжал индустриализацию по-сталински. В 1920 г. инженер М. А. Шателен (1866–1957) стал участвовать в работе ГОЭЛРО. Член-корреспондент АН СССР, герой социалистического труда, именем которого названа улица в С.-Петербурге, он был активным идеологом и практиком индустриализации, пользуясь поддержкой своего единоутробного брата Б. А. Бахметьева, также крупного инженера-энергетика. Б. А. Бахметьев, товарищ министра торговли и промышленности Временного правительства, в котором их с М. А. Шателеном брат С. А. Шателен был товарищем министра финансов, стал послом этого правительства в США, где после Октябрьской революции жил до своей кончины в 1951 г. Профессор Колумбийского университета, он возглавлял там кафедру, родственную той, которой заведовал в Политехническом институте в Ленинграде М. А. Шателен, учредил конструкторскую фирму, основал на свои средства получивший его имя архив, в котором собраны ценнейшие материалы русской эмиграции. Наряду с этим он содействовал в проектировании и сооружении ряда советских гидроэлектростанций.

Роль американских инженеров-гидростроителей в сооружении Днепро-ГЭСа была значительной. Шесть американских консультантов во главе с их руководителем Хью Купером были по завершении строительства в 1932 г. награждены орденами Трудового Красного Знамени. Проектирование началось в 1921, а решение о строительстве принято в 1926 г. Часть оборудования была закуплена в США, в Германии и в Чехословакии³⁰. В промышленных стройках этих лет принимали участие американские рабочие и специалисты, приезжавшие в СССР по соображениям классовой солидарности.

Была ли для этого необходима коллективизация со всеми ужасами ее осуществления? Разумеется, индустриализация в ее целом требовала значительных затрат. Исторический опыт разных стран и времен подтверждал значение деревни как источника средств для этого. Но на сей раз дело было не только в экономике, но и в полном огосударствлении продовольственного вопроса в стране в интересах укрепления диктаторского режима.

В заключение вернемся к причинам того, что статья И. М. Клямкина, несмотря на отзыв Д. С. Лихачева, была всё же опубликована в «Новом мире». Выше уже были высказаны предположения о том, почему редакция обратилась за отзывом к Лихачеву, а он согласился такой отзыв дать. Не исключено, что сторонники напечатания статьи исходили из особого характера участия Лихачева в диссидентском движении (В. Зубок уделяет этому значительное внимание). Но при этом не был принят во внимание общегуманистический характер

его убеждений и общественной позиции. Когда же отзыв поступил, то опубликование статьи ему вопреки, по-видимому, рассматривалось как придающее устойчивость редколлегии журнала. Ставший главным редактором в 1986 г. С. П. Залыгин, поддерживавший А. Д. Сахарова и А. И. Солженицына, печатал и акад. И. Р. Шафаревича, человека более чем консервативных взглядов, понимавшего, впрочем, истинный смысл коллективизации. Статья Шафаревича в № 7 «Нового мира» 1989 г. носила название: «Две дороги к одному обрыву»³¹. Пути литературных влияний воистину неисповедимы!

При этом деревенская тема в творчестве самого Залыгина не давала оснований для его солидаризации со статьей Клямкина³². Ее напечатание было, по-видимому, одной из тех уступок, которые новый редактор стал делать довлевшим над ним влияниям, ограждая основные направления своей деятельности³³. Так, он в 1989 г. рассказывал о своей неудачной попытке сделать своим заместителем И. А. Дедкова: «Я тогда очень просил Игоря Александровича чуть повременить с публикацией его статьи о Бондареве (“Перед зеркалом, или Страдания немолодого героя” — “Вопросы литературы”, 1987, № 7). Он не послушал, а после скандала вокруг этой статьи Бондарев и секретарь Союза писателей обратились в ЦК, и на меня надавили оттуда»³⁴.

Вошедшие вслед за Залыгиным в редколлегию молодые люди несгибаемого характера И. И. Виноградов и А. Стреляный на ее заседании предложили (заметим, что это совпало с печатанием статьи Клямкина) сделать руководящим органом редколлегию, дав в ней главному редактору два голоса. Залыгин отказал в этом, заявив: «Неся персональную ответственность за журнал, я должен осуществлять и полноту власти». Виноградов и Стреляный подали заявления об уходе, которые он подписал.

Залыгин покинул пост редактора только в 1998 г., когда ему было далеко за восемьдесят. А в 1991 г. он был избран в АН СССР по отделению языка и литературы, в котором состоял Д. С. Лихачев. В своих воспоминаниях, написанных в 1992–1994 гг., Залыгин назвал Лихачева «последним русским интеллигентом-гуманитарием, оставшимся в Отечестве»³⁵.

Каждую из улиц, ведущих к храму, надо пройти до конца...

Послесловие

Статья И. М. Клямкина многопланова: российские революционеры XIX–XX вв., либералы, Николай Чернышевский, Федор Достоевский, Михаил Катков, Карл Каутский, Федор Дан, Лев Троцкий, «Вехи», «Смена вех», проблемы начавшейся перестройки и др. Но главный и наиболее острый тезис автора — коллективизация рубежа 1920-х — начала 1930-х гг. являлась исторически закономерной. Иного варианта для того исторического периода и в тех социальных, политических и экономических условиях Клямкин не видел. По этому утверждению и был нанесен основной полемический удар Д. С. Лихачевым

и Р. Ш. Ганелиным: исторически закономерно — следовательно, исторически нравственно оправдано. С этим те, кто привержен общечеловеческим ценностям, согласиться не могут.

При всем уважении к позиции Д. С. Лихачева и Р. Ш. Ганелина относительно статьи И. М. Клямкина всё же необходимо, на наш взгляд, ввести их негативные суждения в дополнительный историографический контекст.

Надо сказать, что и И. М. Клямкин не приветствовал сталинский вариант осуществления коллективизации. «Один крутит ручку исторической мясорубки, его рукой водит сама Необходимость, его величество Интерес Государства. У него своя правда. Другой — внутри мясорубки, его прокручивают через нее, от его крика некуда спрятаться...» Клямкин «на стороне того, кто страдает». Он надеется, что в будущем «человечество захочет и сможет расстаться с мясорубкой, используемой как орудие прогресса»³⁶. В другой статье, опубликованной через год после первой (Р. Ш., очевидно, не был с ней знаком), И. М. Клямкин высказывается по поводу сталинских методов еще более негативно. Он считает «важным разграничивать Административную систему, как особый исторически закономерный вариант развития, и его специфически сталинское воплощение, которое вовсе не закономерно, хотя и не чужеродно для такого рода вариантов». Административная система «при последовательном развитии и определенном стечении обстоятельств ведет к сталинщине». «Преодоление сталинщины не может начаться иначе, как с ее полного разоблачения, бескомпромиссного отмежевания, категорического отстранения от нее, осознания ее ничем не оправдываемой нравственной несостоятельности и порочности, ее разрушительности для человеческого существования и общежития»³⁷.

Однако одного эмоционального нравственного осуждения жестокой практики коллективизации недостаточно. Неизбежно возникает вопрос, была ли реальная альтернатива так называемому «году великого перелома»? Как эта проблема трактуется в исторической литературе перестроечных и последующих лет?

В обстановке конца 1920-х гг. и в исторических исследованиях коллективизация неразрывно связывалась с индустриализацией. Необходимость индустриализации признавалась всеми: и действовавшими тогда политиками разных направлений, а затем и историками. Острые споры велись по поводу методов и темпов индустриализации и источников ее финансового обеспечения, а также о путях социалистической реконструкции мелкого крестьянского хозяйства. Основное противостояние возникло, как известно, между Бухариным с его сторонниками и группой Сталина. Главной возможностью получения валюты для закупки промышленного оборудования был экспорт зерна. Бухарин предлагал получать товарное зерно из крестьянских хозяйств, развивая и совершенствуя новую экономическую политику, применяя экономическое воздействие на крестьян, побуждая их продавать государству нужный для экспорта хлеб регулированием цен и налогов. Сталин считал более эффективным

командно-административный путь, предполагавший слом нэпа. Бухарин мыслил перевод крестьян на социалистические рельсы через добровольное и постепенное вовлечение их в различные виды кооперации, среди которой колхозы в первые пять лет составляли бы не более 18–20%. Сталин предпочел насильственную быструю сплошную коллективизацию, позволившую изымать из колхозов почти весь полученный урожай.

Целому ряду российских и зарубежных историков более приемлемым и гуманным представлялся, разумеется, вариант финансового обеспечения индустриализации, предлагавшийся Н. И. Бухариным. Более того — они считали его реальной альтернативой сталинскому варианту. Выдающаяся роль в этой группе принадлежит В. П. Данилову, известному ученому-аграрнику советского и постсоветского периодов. По его мнению, «поражение Н. И. Бухарина не было поражением идейным или научно-теоретическим. Напротив, весь последующий опыт свидетельствует о правильности основных исходных позиций и принципиальных решений бухаринской альтернативы»³⁸. В. П. Данилов соглашался с американским историком Стивеном Коэном в том, что политика Бухарина была «последовательным применением и развитием принципов нэпа» и являлась наиболее теоретически продуманной и цельной «попыткой построения общей модели экономического, социального и политического развития советского общества по пути социализма»³⁹.

С 1992 по 2000 г. под руководством В. П. Данилова и английского социолога Т. Шанина периодически работал теоретический семинар «Современные концепции аграрного развития». На его заседаниях обсуждались работы зарубежных историков-крестьяноведов. Протоколы обсуждений публиковались преимущественно в журнале «Отечественная история», в 2015 г. они были собраны и изданы отдельным сборником. Всего состоялось 15 заседаний семинара. В 1994 г., выступая на одном из них, В. П. Данилов полностью солидаризировался с «итоговым утверждением» обсуждавшейся на семинаре книги немецкого историка Ш. Мерля «Аграрный рынок и новая экономическая политика» в том, что «продолжение нэпа было бы экономически целесообразно и создало бы для индустриализации лучшие предпосылки»⁴⁰. Такого же мнения придерживался Т. Шанин: «Если бы советская экономика развивалась в 30-е годы так, как предлагали лучшие аналитики и плановики, страна, по моему убеждению, пришла бы к 1940 г. с несколько меньшим количеством фабрик, но они были бы гораздо более эффективными и с более высоким, чем достигнутый, уровнем производства. Сельское хозяйство к 1940 г. было бы продуктивнее не менее чем на треть, самые лучшие командиры остались живы, партийные кадры сохранились в целости, около 5 миллионов человек могли бы пополнить ряды армии. Не следует ли признать, что это был бы лучший путь индустриализации?»⁴¹ На нескольких заседаниях семинара тема альтернативности сталинской коллективизации и индустриализации была основной. Один из выступавших по поводу книги Мерля высказал свое впечатление об атмо-

сфере дискуссии: «Мерль рассматривает политику нэпа под углом зрения последовавшей коллективизации. Вопрос о том, была ли коллективизация неизбежной, совершенно ясно прослеживается в работе и, как мне кажется, сейчас витает и над нашим семинаром и равным образом над всем нашим обществом»⁴². Большинство участников дискуссий соглашалось с иностранными авторами обсуждаемых книг в том, что такая альтернатива была возможной, не приводя, впрочем, своих конкретных доказательств. Но кое-кто всё же сомневался.

Во время обсуждения книги американского исследователя М. Левина «Российские крестьяне и Советская власть» на семинаре в декабре 1993 г. прозвучало критическое замечание: «Профессор Левин обоснованно ответил на вопрос об альтернативах коллективизации. Но, на наш взгляд, если бы автор расширил предмет своего исследования и коснулся вопроса о темпах и источниках индустриализации, то на тот же самый вопрос мог прозвучать несколько иной ответ. Сослагательное наклонение потребовало бы своего логического продолжения: можно ли было осуществить индустриализацию теми же темпами, не прибегая к повальной коллективизации? Если нет, то смог ли бы, например, Н.И. Бухарин на месте И.В. Сталина отказаться от быстрых темпов индустриализации и ставки на развитие тяжелой промышленности? И далее — как долго мог продолжаться такой курс в условиях обострения международной обстановки в связи с усилением германского фашизма? Несомненно, альтернатива коллективизации была, но я предлагаю прислушаться и к мнению оппонентов проф. Левина: могла ли осуществиться эта альтернатива в исторических условиях конца 20-х-30-х гг.?»⁴³

Те, кто считал альтернативу сплошной коллективизации реальной, должны были показать, что существовавшее в конце 1920-х гг. сельскохозяйственное производство на основе развития экономических принципов нэпа и постепенного кооперирования мелких крестьянских хозяйств могло обеспечить достаточный экспорт зерна для финансирования индустриализации. Но определенность в этом не просматривается. Скорее наоборот. В мае 1993 г. на семинаре «Современные концепции аграрного развития» обсуждалась глава из книги Г. Хантера и Я. Ширмера «Негодные основы. Советская экономическая политика. 1928–1940». Глава называлась «Аграрная политика необольшевиков и альтернатива». Она изобилует таблицами, раскрывающими динамику производства зерновых культур, животноводческой продукции, поголовье рабочих лошадей, количество ожидаемого и фактическое население по годам, а также рассчитанные по своей методике «Гипотетические зерносорбы без коллективизации в 1928–1940 гг.». Итоговый вывод авторов сводился к тому, что «не будь коллективизации, аграрный сектор был бы в состоянии обеспечить растущему населению, по крайней мере, уровень 1928 г. в потреблении продуктов питания и при этом что-то [!], вероятно [!], можно было бы направлять на экспорт и на создание к концу десятилетия какого-то [!] резервного фонда»⁴⁴. Думается, это не то, что требовалось не только для форсированной, но и для постепенной

индустриализации. «Исследователи, — констатировали Г. Хантер и Я. Ширмер, — давно ведут полемику о том, возможно ли было создать условия для роста сельскохозяйственного производства при одновременном мощном развитии индустрии. И вопрос этот до сих пор остается открытым»⁴⁵.

Открытой эта проблема оставалась и для отечественных историков, в частности для Л. А. Гордона и Э. В. Клопова. «Сегодняшние наши знания и сегодняшний опыт достаточны, чтобы отбросить догматическую уверенность в том, что на рубеже 20–30-х годов был избран бесспорно оптимальный вариант развития, что здесь не может быть вопросов и сомнений. Но они недостаточны, чтобы с полной и абсолютной уверенностью дать ответ на вопрос о том, к каким результатам привело бы принятие иного плана индустриализации и социалистического строительства»⁴⁶. Показательно, что сторонники «иного плана» (действовавшие в 1920-х гг. политики и позднейшие историки) не определяли конкретные сроки его осуществления. В. П. Данилов, отдавая безусловное предпочтение позиции Бухарина, при этом отмечал, что у него «при теоретическом обосновании процесса кооперирования вопрос о времени его завершения не возникал. Времени для социалистического преобразования деревни отводилось столько, сколько потребуется крестьянину, чтобы по своей воле и своими силами его совершить. Однако это не означало, что дело пускалось на самотек»⁴⁷. Американский историк Стивен Коэн, книгу которого о Бухарине В. П. Данилов оценивал весьма положительно, писал о плане Бухарина в схожих выражениях: «Бухарин считал, что необходимо и возможно создать добровольный коллективный сектор, который, при надлежащей пропаганде и поддержке, постепенно разрастется, через пять-десять лет обеспечит примерно одну пятую товарного зерна и в конце концов, спустя целый исторический период, совершенно вытеснит частное крестьянское хозяйство»⁴⁸. Н. И. Бухарин «определенно и решительно исключал массовую коллективизацию крестьянских хозяйств как исходный пункт движения деревни к социализму, переносил ее в будущее»⁴⁹.

По мнению историков, критически относившихся к альтернативе Бухарина, предлагавшийся им путь «в идеале был бы, конечно, предпочтительней», но осуществить его можно было «только ценой отказа от форсированной индустриализации»⁵⁰. Однако были ли заданные сталинским руководством сверхвысокие темпы индустриализации вынужденным ответом на военную угрозу? Насколько она была реальной? С. Коэн следующим образом изложил позицию Бухарина в этом вопросе: «Возможность нападения на Советский Союз была в числе опасностей, на которые сталинисты указывали для обоснования всестороннего развития тяжелой промышленности любой ценой. Бухарин, хотя и ратовал за развитие оборонной промышленности, отвечал, что “доверие крестьян” является таким же решающим фактором обеспечения безопасности СССР. Активно враждебное или даже пассивно недовольное сельское население в случае войны составит опасность для правительства»⁵¹. Начальный

период Отечественной войны в определенной степени подтвердил обоснованность таких опасений. На это указал и Р. Ш. Ганелин в своей статье. При этом он выразил сомнение, что при проведении коллективизации приоритетом для Сталина было обеспечение безопасности страны. Главным для него была централизация власти и сосредоточение ее в своих руках. Это так, но фактор военной угрозы при определении аграрной политики в конце 1920-х гг., по мнению ряда историков, играл далеко не последнюю роль.

Нам не встретились высказывания об этом В. П. Данилова как наиболее авторитетного исследователя «альтернативы Бухарина». Но один из участников обсуждения книги Ш. Мерля в рамках семинара «Современные концепции аграрного развития», проходившего под председательством В. П. Данилова в июне 1994 г., — И. А. Кузнецов, поднял этот вопрос. «<...> Я хотел бы добавить еще один фактор, который, как мне кажется, традиционно недооценивается у нас, а он, между тем, объясняет, почему именно в конце 20-х — начале 30-х гг. начинается бешеная гонка индустриализации <...> Ведь 1929 год — начало мирового экономического кризиса. Советские вожди прекрасно “знали”, что если идет мировой экономический кризис, значит, за ним должна последовать или мировая революция, или мировая война. Не может наша страна остаться в стороне. Придется как-то участвовать, вмешиваться во все эти события, придется воевать. А чем? <...> Вот для чего нужна была коллективизация и форсированная “индустриализация”». Подводя итоги семинара, В. П. Данилов не стал отвечать И. А. Кузнецову. Он только подтвердил свое мнение о правоте Бухарина в споре со Сталиным и повторил тезис о том, что индустриализация была нужна, но не сталинская, а «какая-то иная»⁵².

На военную угрозу как на фактор, повлиявший на форсирование развития военной промышленности в 1930-е гг., указал недавно еще один участник «даниловских семинаров» 1990-х гг. — В. В. Кондрашин. В 2018 г. он так же, как и И. А. Кузнецов в 1994, считает, что «вопрос о внешнем факторе в коллективизации» «еще не получил должного внимания в историографии». Но «последние исследования на эту тему корректируют утвердившееся в историографии мнение об отсутствии военной угрозы СССР». В. В. Кондрашин ссылается на сборники документов «Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927–1937)», изданные в 2008 и 2011 гг., и монографию А. К. Соколова «От военпрома к ВПК: советская военная промышленность. 1917 — июнь 1941 г.» (М., 2012). Его вывод: «Военная угроза в тот период рассматривалась как “вполне реальная”». При этом вероятным противником считалась не Германия, а государства, географически близкие к Советскому Союзу, — Польша, Румыния, Чехословакия, находившиеся в договорных отношениях с Англией и Францией⁵³.

В. В. Кондрашин затронул в своей статье еще один болезненный вопрос — о реакции крестьян на сплошную коллективизацию. Д. С. Лихачев, а вслед за ним и Р. Ш. Ганелин были возмущены тем, что, по Клямкину, крестьяне

«согласились на коллективизацию и приняли ее». Но Клямкин писал, что большинство крестьян «примирилось с коллективизацией». Между «согласились» и «примирилось» все-таки есть разница. Примирились, конечно, вынужденно, пошли в колхоз сломленные голодом и административным произволом, после подавления многочисленных, но разрозненных протестов⁵⁴. Однако наряду с сопротивлением, в деревне сформировалась значительная прослойка тех, кто действительно «принял» коллективизацию. Об этом говорил, в частности, японский исследователь Х. Окуда в 2008 г. на московской международной конференции по истории сталинизма. В. В. Кондрашин солидаризировался с Х. Окудой, «который аргументированно указал, что накануне коллективизации в советской деревне возник значительный слой молодых крестьян, связавших свою судьбу с сельским комсомолом, Советом, сельской ячейкой большевистской партии. Они отказывались от сохи ради “портфеля”, им были ближе идеи культурной революции, индустриализации и коллективизации, чем труд на клочке земли». «В результате коллективизация, — по мнению Кондрашина, — получила в деревне активных сторонников, для которых создала множество новых должностей. <...> Поэтому десятки тысяч крестьян поддержали коллективизацию и стали ее социальной базой и инструментом. В противном случае успех был бы невозможен»⁵⁵. Но еще много ранее, независимо от Х. Окуды, В. В. Кондрашина посещали неординарные мысли об альтернативе коллективизации — в декабре 1993 г. на одном из «даниловских семинаров» он говорил: «Возможность для рассуждений об альтернативах резко сокращается, если достаточно добросовестно рассматривать социальную базу сталинизма в деревне. <...> В течение десятилетия деревенская молодежь улавливала дух коммунистической идеологии, проникалась этим духом и в последующем по крайней мере часть ее приняла активнейшее участие в коллективизации. Вспомним деревенский комсомол, вспомним Павлика Морозова наконец. <...> Сельсоветовский актив и партийцы тоже были материальными носителями сталинского курса, и было бы упрощением полагать, что это были сплошь лодыри и люмпены. <...> Вместе с теми, кого актив вел за собой идейно, это была большая и хорошо политически организованная сила. И хоть это, конечно, было меньшинство деревни, противостоявшая им основная масса крестьянства была неорганизованной»⁵⁶. В том же духе писал и И. М. Клямкин в 1987 г. «Административная Система — это система управления. Это верхние этажи общественного здания. Но они же не в воздухе висят, ведь под ними есть и другие этажи, а еще ниже — фундамент, основание. Что же это за фундамент? Думаю, что ответ надо искать во временах коллективизации — без нее Административную Систему достроить не удалось бы, как не удалось бы завершить индустриализацию. Тогда же начался отбор и широкий приток в Систему новых администраторов-исполнителей: их требовала и сама коллективизация. Кого же и из каких глубин подняла на поверхность та гигантская волна?»⁵⁷ Это были те самые «игнашки», «принявшие» коллективизацию, по поводу которых

с возмущением писал Д. С. Лихачев в своем отзыве на статью И. М. Клямкина. Но они у Клямкина вовсе не большинство крестьян и тем более далеко не самая лучшая их часть. Однако именно «никчемному, ленивому и завистливому Игнату Сопронову (из “Канунов” Белова)» благоволила судьба, возвысив его «до уездного уполномоченного, представителя власти», поставив начальником «над трудолюбивыми, крепкими и надежными мужиками». «Административная Система и Игнашка нужны друг другу»⁵⁸.

Коллективизация ради форсированной индустриализации, как ответ на военную угрозу, привела к кризису сельское хозяйство. Урожайность и валовые сборы зерна не возросли, в деревнях начался голод, но товарность зернового производства за счет изъятия хлеба у колхозов резко увеличилась. В результате экспорт зерновых культур в 1930 г. по сравнению с 1928 г. вырос почти в 18 раз!⁵⁹ В 1932 г. Советский Союз, пользуясь выгодной конъюнктурой в период охватившего ведущие буржуазные страны экономического кризиса, закупил половину мирового импорта машин и оборудования⁶⁰.

В последние два десятилетия советская коллективизация и индустриализация стали изучаться в связи с экономической историей России начиная со второй половины XIX в. «Российские исследователи идут по этому пути, сделав ряд очень важных и аргументированных выводов, указывающих на историческую закономерность коллективизации как состоявшегося варианта аграрной модернизации, обусловленной особенностями страны». В. В. Кондрашин ссылается на работы Ю. А. Петрова, Л. В. Милова, В. В. Шелохаева, В. В. Зверева⁶¹. В исторической перспективе колхозы не оправдали возлагавшихся на них надежд, они так и не смогли решить продовольственную проблему страны: в 1980-е гг. приходилось закупать за границей от 15 до 41 % необходимого зерна. Система отторгла крестьянина от земли, негативно повлияла на его менталитет. Но в то же время в историографии существует мнение, что «коллективизация явилась важным фактором индустриальной модернизации», «вклад коллективизации очевиден и при анализе источников создания военно-промышленного комплекса», изучение источников «выводит на вопрос о роли колхозного строя как одного из факторов победы в Великой Отечественной войне». «Парадокс состоял в том, что обеспечения фронта продовольствием удалось добиться сельскому хозяйству, находившемуся после коллективизации в состоянии перманентного кризиса, крайне неэффективному по своей сути»⁶². Более того: «Именно модернизация крестьянской России, ее переход посредством народных революций и реформ сверху из аграрной в аграрно-индустриальную и индустриальную стадии развития составляет суть исторического пути страны в XX в. Таким образом, в течение столетия Россия превратилась из страны крестьянской в страну индустриальную. В этой трансформации решающая роль принадлежит сталинской коллективизации. В результате форсированной индустриализации и укрепления сталинского режима российская государственность была сохранена в тяжелейшие годы Второй мировой войны»⁶³. Особенно

впечатляет то обстоятельство, что эти строки написаны историком, монография которого представляет сплошной обвинительный акт против власти, спровоцировавшей своими действиями голод, унесший миллионы жизней. Историком, которого его коллега по «даниловским семинарам» представляет как «пожалуй, самого трудолюбивого и талантливого ученика В. П. Данилова»⁶⁴.

Рафаил Шоломович Ганелин придерживался противоположного взгляда на коллективизацию и, как и Д. С. Лихачев, не признавал ее историческую закономерность, считал, что она сыграла отрицательную роль во время Отечественной войны. Мы должны быть признательны Р. Ш. за его принципиальную бескомпромиссную позицию. Публикация его последней статьи через пять лет после смерти — свидетельство этой признательности и уважения. Но о коллективизации существуют и другие мнения, о них сказано выше. Вероятно, ее оценка еще долго не будет однозначной. Заканчиваем послесловие цитатой из одиозной для Р. Ш. статьи И. М. Клямкина, который видел только два варианта развития событий в конце 1920-х — начале 1930-х гг.: реально осуществленную коллективизацию или несостоявшееся всеобщее крестьянское восстание, сметающее большевистскую власть. Он писал: «Представить себе какой-то третий исход борьбы того времени я не могу. И, соответственно, выход из нэпа — тоже. Вы можете? Очень хорошо. Значит, есть что обсуждать и о чем спорить. А это не так уж мало»⁶⁵.

¹ Клямкин И. Какая дорога ведет к храму? // Новый мир. 1987. № 11. С. 150–188.

² Там же. С. 150.

³ Там же. С. 187–188.

⁴ См. в частности издания, отразившие позиции по этому поводу меньшевиков в Госплане и ВСНХ: *Меньшевицкий процесс 1931 г. Сб. док-тов: В 2 кн. / Сост. и введ. ст. А. Л. Литвина. М., 1999; Валентинов Н. (Н. Вольский). Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: Годы работы в ВСНХ во время нэпа. Воспоминания. М., 1991; Эрлих А. Дискуссии об индустриализации в СССР. 1924–1928. М., 2010; Ясный Н. Советские экономисты 1920-х годов. Долг памяти. М., 2012. Две последние книги переведены с английских изданий (первая — 1960, вторая — 1972 г.) под научной редакцией А. А. Белых с его сопроводительными статьями, яркими и содержательными, как и вводная статья А. Л. Литвина к составленному им сборнику. О связях советских экономистов с их коллегами в эмиграции см.: *Бачурина О. Н. Экономическое наследие С. Н. Прокоповича и его общественная деятельность в эмиграции (1922–1939 гг.)*. СПб., 2005; *Кузнецова (Бачурина) О. Н. С. Н. Прокопович и изучение экономической жизни за рубежом // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2009. Вып. 4. С. 16–22.**

⁵ *Зубок В. Д. С. Лихачев в общественной жизни России конца XX века*. СПб., 2011.

⁶ Там же. С. 59. В своих выступлениях по радио в 2014 г. И. М. Клямкин о своей старой статье не упоминал. (Р. Ш. Ганелин дал свою интерпретацию текста В. М. Зубока. У Зубока:

- «...редактор “Нового мира” Залыгин проигнорировал возражения Лихачева, и статья Клямкина была в ноябре 1987 года опубликована, вызвав колоссальный резонанс в СССР и за рубежом. — Разговор автора с Игорем Моисеевичем Клямкиным. 17 февраля 2011 г. Москва». — *Публ.*)
- ⁷ Клямкин И. Какая дорога ведет к храму? С. 180–182.
- ⁸ Зубок В. Д. С. Лихачев в общественной жизни России конца XX века. С. 57–59.
- ⁹ Клямкин И. Какая дорога ведет к храму? С. 178.
- ¹⁰ См.: Ганелин Р. Ш. Партийная принципиальность историка: В. И. Билик (1910–2003) // Проблемы новой и новейшей истории России. Сб. статей к 70-летию со дня рождения Г. Л. Соболева. СПб., 2005. С. 442–451. Перепеч.: Ганелин Р. Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940-х–1970-х гг. СПб., 2006. С. 301–312.
- ¹¹ Исторические записки. Т. 80. М., 1967. С. 126–159.
- ¹² Твардовская В. А. Идеология пореформенного самодержавия. М. Н. Катков и его издания. М., 1978.
- ¹³ Клямкин И. Какая дорога ведет к храму? С. 153.
- ¹⁴ Там же. С. 152.
- ¹⁵ Я учился чтению и письму, ведя переписку няни моих сестер Химы Григорьевны Щур, бежавшей от голода из села Селезневка Сквирского района Киевской области, с ее невесткой Домкой Цапок, потерявшей там мужа Степана и всех их шестерых детей.
- ¹⁶ Зубок В. Какая дорога ведет к храму? С. 58.
- ¹⁷ Семинар по кн. М. Левина см.: Отечественная история. 1994. № 4–5.
- ¹⁸ Зубок В. Какая дорога ведет к храму? С. 58.
- ¹⁹ Цит. по: Яковлев А. Сумерки. М., 2003. С. 315. К этим воспоминаниям и к статье В. Твардовской «А. Г. Дементьев против “Молодой гвардии”». (Эпизод из идейной борьбы 60-х годов)» (Вопросы литературы. 2005. № 1. С. 178–212) отсылаем читателя. А. Г. Дементьев в апреле 1969 г. выступил в «Новом мире» против статей «Молодой гвардии».
- ²⁰ Наш университетский преподаватель истории русской литературы, А. Г. Дементьев был одним из руководителей борьбы с космополитизмом в Ленинграде. Переехав после смерти Сталина в Москву, он стал там преданным помощником А. Т. Твардовского в «Новом мире» и был наказан за ярко интернационалистскую позицию.
- ²¹ Яковлев А. Сумерки. С. 324.
- ²² Там же. С. 7.
- ²³ Там же. С. 9.
- ²⁴ Клямкин И. Какая дорога ведет к храму? С. 175.
- ²⁵ Вот что пишет о взглядах и целях Сталина А. Эрлих: «Колхозы интересовали его в первую очередь как “коллективный инструмент”... передающий полномочия по принятию решений по производству и распределению сельскохозяйственной продукции от крестьян государству и его представителям на селе. Это представлялось гораздо более эффективным способом обеспечить хлебозаготовки, чем возня с ценообразованием... случаи крестьянского сопротивления только усиливали намерения Сталина разгромить противника раз и навсегда... Он понимал, что пойти на компромисс в таких условиях означало не только ослабить свои позиции, но и подорвать доверие к себе (эти чувства также разделяли люди из его ближайшего окружения), спровоцировать новые вспышки неповиновения и в конечном счете откатиться на исходные позиции». Приведя слова Сталина: «Что значит не мешать кулацкому хозяйству? Это значит дать кулаку волю. А что значит дать ему волю? Это значит дать ему власть» (*Сталин И. В.* Сочинения. Т. XI. С. 275), А. Эрлих добавил: «Здесь слово “кулак” очень удобно заменяет слово “крестьянин”» (*Эрлих А.* Дискуссии об индустриализации в СССР. 1924–1928. М., 2010. С. 222–223). Ср. в изложении одного из рецензентов книги М. Левина его взгляд на тот же вопрос: «Он приходит к выводу, что сверхцентрализация власти привела к отсутствию эффективного контроля, что, в свою очередь, толкало власти на принятие всё новых и новых мер по централизации, приводивших к противоположному результату. В итоге в центре

возникла своего рода “учрежденческая паранойя”, вскормленная личностью “самого Вождя” и являвшаяся одновременно необходимой пищей для его собственной паранойи. “Чем больше власти сосредоточивал в своих руках верховный руководитель, тем менее он был способен управлять, тем больше казалось, что власть ускользала от него, а отсюда еще большая склонность контролировать... Наступило сознание того, что чем сильнее концентрация власти, тем труднее осуществлять контроль, тем менее эффективно функционирует весь механизм. И всё же единственным выходом из ситуации, созданной сверхконцентрацией власти, казалось применение сверху того же самого лекарства (власти)”» (URL: <http://petrov5.tripod.com/LI.html>).

- ²⁶ См.: Будницкий О. В., Зеленина Г. С. Идеиный коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны // «Свершилось. Пришли немцы!» Идеиный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны. М., 2014. С. 4–62. В статье указана литература вопроса, работы Е. Н. Андреевой, М. И. Семиряги, Ш. Фицпатрика и др.
- ²⁷ Гефтер М. Я. Сталин умер вчера...: Беседа с журналистом Г. Павловским // Гефтер М. Я. Из тех и этих лет... М., 1991. С. 242.
- ²⁸ Рапопорт Л. Я. На рубеже двух эпох. Дело врачей 1953 г. СПб., 2003. С. 218–220.
- ²⁹ См.: Дьяконов Ю. Л., Бушуева Т. С. Фашистский меч ковался в СССР. М., 1992.
- ³⁰ Благодарю за сообщение ряда сведений М. Н. Румынскую.
- ³¹ В 2003 г. И. Р. Шафаревич издал книгу под таким же названием. В том же 1989 г., что и его статья в «Новом мире», в альманахе «Кубань» и почти одновременно в «Нашем современнике» появляется написанная им в 1980 г. «Русофобия». Об участии Шафаревича в 1946 г. в альпинистском походе, в котором погиб сын Н. И. Вавилова, см.: Шноль С. Э. Герои, злодеи, конформисты отечественной науки. (Наука в СССР: Через тернии к звездам). Изд. 4-е. М., 2010. С. 191–194. См. также: Белоусова Т. Непроходимый маршрут // Альпинисты Северной столицы. 2010. Вып. 412, 04.09; Там же. (Новые публикации). 2014. Вып. 604, 16.08. (URL: <http://subscribe.ru/archive/sport.news.alp/201408/16184654.html>).
- ³² См.: Дедков И. А. Сергей Залыгин. Страницы жизни, страницы творчества. М., 1985.
- ³³ Читателя следует отослать к воспоминаниям пришедшего в «Новый мир» одновременно с Залыгиным С. Костырко «Далекое близкое. “... Не надо бояться себя”. О Сергее Залыгине» (Новый мир. 2003. № 12. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2003/12/kostyrko.html). В редакторском кабинете Залыгин продолжал свою писательскую тактику, благодаря которой он, по словам Костырко, «смог написать всё, что хотел, более того, смог опубликовать всё, что хотел». Отметим, что С. Костырко поставил статью Клямкина в ряд тех статей А. Стреляного, С. Залыгина, В. Селюнина, Г. Ханина, Н. Шмелева и повести Д. Гранина, которыми при «новом редакторе “Новый мир” начал определять свое общественное лицо».
- ³⁴ Там же. Уже сорвавшийся из Костромы Дедков, несколько месяцев прожив в неопределенности, пошел работать в обновлявшийся тогда журнал «Коммунист». В «Новом мире» он стал лишь членом редколлегии.
- ³⁵ Залыгин С. Заметки, не нуждающиеся в сюжетах // Октябрь. 2003. № 11. С. 103.
- ³⁶ Клямкин И. М. Какая улица ведет к храму? С. 184.
- ³⁷ Клямкин И. М. Была ли альтернатива административной системе? // Политическое образование. 1988. № 10. С. 55, 61.
- ³⁸ Выступление В. П. Данилова на тематическом «Круглом столе»: «Советский союз в 20-е годы» // Вопросы истории. 1988. № 9. С. 12.
- ³⁹ Там же. С. 8.
- ⁴⁰ Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке. М., 2015. С. 364.
- ⁴¹ Предисловие Т. Шанина к составленной им хрестоматии «Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире». Цит. по: Кондрашин В. В. Влияние коллективизации на судьбы России в XX в. // Российская история. 2018. № 4. С. 7.
- ⁴² Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке. С. 398.
- ⁴³ Отечественная история. 1994. № 4–5. С. 73.

- ⁴⁴ Там же. 1995. № 6. С. 163.
- ⁴⁵ Там же. С. 156.
- ⁴⁶ Гордон Л. А., Клопов Э. В. Что это было? Размышления о предпосылках и началах того, что случилось с нами в 30-е–40-е годы. М., 1989. С. 20.
- ⁴⁷ Данилов В. П. Бухаринская альтернатива // Бухарин: человек, политик, ученый. М., 1990. С. 102.
- ⁴⁸ Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888–1938. М., 1992. С. 382.
- ⁴⁹ Данилов В. П. Бухаринская альтернатива. С. 102.
- ⁵⁰ Бордюгов Г. А., Козлов В. А. Поворот 1929 года и альтернатива Бухарина // Вопросы истории КПСС. 1988. № 7. С. 26, 31.
- ⁵¹ Коэн С. Бухарин. С. 380–381.
- ⁵² Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке. С. 406, 412.
- ⁵³ Кондрашин В. В. Влияние коллективизации на судьбы России в XX в. // Российская история. 2018. № 4. С. 8, 9.
- ⁵⁴ На одном из семинаров, где обсуждалась книга М. Левина «Российские крестьяне и советская власть», автор в своем вступительном слове привел некоторые данные о крестьянском сопротивлении начавшейся коллективизации: в период с декабря 1928 по 1 февраля 1929 г. только по московскому региону был зарегистрирован «101 случай террора — убийства, увечья, нападения, поджоги». (Тогда как за весь предшествующий год было зафиксировано только 13 случаев). «Подобная же картина наблюдалась в целом по стране. Широкий размах приняли традиционные для крестьян пассивные формы сопротивления: увертки, отговорки, сокрытие зерна». Левина дополнил один из участников обсуждения: «Спротивлялись как могли: и пассивно, и активно. Зимой–весной 1930 года, по неполным данным, произошло более 2700 выступлений (в том числе вооруженных), в которых приняло участие не менее одного миллиона крестьян» (Отечественная история. 1994. № 4–5. С. 57, 61).
- ⁵⁵ Кондрашин В. В. Влияние коллективизации на судьбы России в XX в. С. 9–10.
- ⁵⁶ Отечественная история. 1994. № 4–5. С. 67–68.
- ⁵⁷ Новый мир. 1987. № 11. С. 176.
- ⁵⁸ Там же. С. 176, 183.
- ⁵⁹ Индустриализация СССР (1929–1932 гг.). Документы и материалы. М., 1970. С. 104.
- ⁶⁰ 50 лет советской внешней торговли. М., 1967. С. 41.
- ⁶¹ Кондрашин В. В. Влияние коллективизации на судьбы России в XX в. С. 4–5.
- ⁶² Там же. С. 10, 13.
- ⁶³ Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008. С. 368.
- ⁶⁴ Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке. С. 14. (Материалы пятнадцати заседаний теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития» / Под редакцией В. В. Бабашкина).
- ⁶⁵ Клямкин И. М. Какая улица ведет к храму? С. 182.

References

- BORDYUGOV G. A., KOZLOV V. A. *Povorot 1929 goda i al'ternativa Buxarina*. [Turning-Point of 1929 and Bukharin's Alternative. In Russ.] // *Voprosy` istorii KPSS*. 1988. N7.
- BUDNICZKIJ O. V., ZELENINA G. S. *Idejny`j kollaboracionizm v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny`*. [Ideological Collaborationism during the Great Patriotic War. In Russ.] // "Svershilos`. Prishli nemycy!" *Idejny`j kollaboracionizm v SSSR v period Velikoj Otechestvennoj vojny`*. Moscow, 2014. S. 4–62.
- GEFTER M. YA. *Iz tex i e`tix let...* [From Those and These Years. In Russ.]. Moscow, 1991.
- GORDON L. A., KLOPOV E`. V. *Chto e`to by`lo? Razmy`shleniya o predposylkax i nachalax togo, chto sluchilos` s nami v 30-e-40-e gody`*. [What was It? Thoughts on Premises and Origins of What Happened to Us in 1930s–1940s. In Russ.]. Moscow, 1989.

- DANILOV V. P. *Buxarinskaya al'ternativa*. [Bukharin's Alternative. In Russ.] // Buxarin: chelovek, politik, ucheny`j. Moscow, 1990.
- DEDKOV I. A. *Sergej Zaly`gin. Stranicy zhizni, stranicy tvorchestva*. [Sergey Zalygin. Leaves of Living, Leaves of Writings. In Russ.]. Moscow, 1985.
- D`YAKONOV YU. L., BUSHUEVA T. S. *Fashistskij mech kovalsya v SSSR*. [Fascist Sword was Forged in the USSR. In Russ.]. Moscow, 1992.
- ZALY`GIN S. *Zametki, ne nuzhdayushiesya v syuzhetax*. [Notes That Do Not Need Plots. In Russ.] // Oktyabr`. 2003. N 11.
- ZUBOK V. D. *S. Lixachev v obshhestvennoj zhizni Rossii konca XX veka*. [D. S. Likhachov in the Social Life of Russia of the Late 20th Century. In Russ.]. St. Petersburg, 2011.
- Industrializatsiya SSSR (1929–1932 gg.). Dokumenty` i materialy`*. [Industrialization in the USSR (1929–1932). Documents and Materials. In Russ.]. Moscow, 1970.
- Istoricheskie zapiski*. [Historical Notes. In Russ.]. T. 80. Moscow, 1967. S. 126–159.
- KLYAMKIN I. *Kakaya doroga vedet k kramu?* [What Road Leads to Temple? In Russ.] // Novy`j mir. 1987. N 11.
- KLYAMKIN I. M. *By`la li al'ternativa administrativnoj sisteme?* [There an Alternative to Administrative System? In Russ.] // Politicheskoe obrazovanie. 1988. N 10.
- KONDRASHIN V. V. *Vliyanie kollektivizatsii na sud`by` Rossii v XX v.* [Influence of Collectivization on the Destiny of Russia in the 20th Century. In Russ.] // Rossijskaya istoriya. 2018. N 4.
- KONDRASHIN V. V. *Golod 1932–1933 godov: tragediya rossijskoj derevni*. [Famine of 1932–1933: Tragedy of Russian Peasantry. In Russ.]. Moscow, 2008.
- KOSTY`RKO S. *Dalekoe blizkoe. "...Ne nado boyat`sya sebya". O Sergee Zaly`gine*. [Distant Proximity. "Never Fear Yourself". About Sergey Zalygin. In Russ.] // Novy`j mir. 2003. N 12.
- KOE`N S. *Buxarin. Politicheskaya biografiya. 1888–1938*. [Bukharin. Political Biography. 1888–1938]. Moscow, 1992.
- Ne mif: rech` Stalina 19 avgusta 1939 g.* [Not a Myth: Stalin's Speech on August 19, 1939. In Russ.] // Voprosy` istorii. 2005. N 8. S. 3–20.
- 50 let sovetskoj vneshnej torgovli*. [50 Years of Soviet Foreign Commerce. In Russ.]. Moscow, 1967.
- Sovremennoe krest`yanovedenie i agrarnaya istoriya Rossii v XX veke*. [Modern Peasant Studies and Agrarian History of Russia in the 20th Century. In Russ.]. Moscow, 2015.
- RAPOPORT L. Ya. *Na rubezhe dnuh e`pox. Delo vrachej 1953 g.* [On the Boundary of Two Epochs. 1953 Doctors' Plot. In Russ.]. St. Petersburg, 2003.
- SHNOL` S. E`. *Geroi, zlodei, konformisty` otechestvennoj nauki (Nauka v SSSR: Cherez ternii k zvezdam)*. [Heroes, Villains, Conformists of Domestic Science. In Russ.]. Izd. 4-e. Moscow, 2010.
- ERLIX A. *Diskussii ob industrializatsii v SSSR. 1924–1928*. [Debates on Industrialization in the USSR. 1924–1928. In Russ.]. Moscow, 2010.
- YAKOVLEV A. *Sumerki*. [Twilight. In Russ.]. Moscow, 2003.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

В. Н. Гинев, М. Н. Румынская. Неопубликованная статья Р. Ш. Ганелина 2014 г. // Петербургский исторический журнал. 2020. № 1 (25). С. 215–241

Аннотация: Публикуемая статья Р. Ш. Ганелина была им закончена буквально за несколько дней до его смерти 12 октября 2014 г. Она предназначалась для сборника, издание которого по ряду причин не состоялось. Р. Ш. эмоционально протестует против утверждения известного публициста И. М. Клямкина о том, что коллективизация на рубеже 1920-х — 1930-х гг. являлась исторически закономерной. Он солидаризируется в этом с академиком Д. С. Лихачевым, который безуспешно возражал против публикации статьи Клямкина в журнале «Новый мир». В предисловии к статье даются краткие сведения об обстоятельствах и мотивах ее написания; в послесловии суждения Ганелина вводятся в контекст историографии о коллективизации и индустриализации в СССР перестроечных и последующих лет.

Ключевые слова: Д. С. Лихачев, Р. Ш. Ганелин, И. М. Клямкин, «Дорога к храму», журнал «Новый мир», коллективизация, индустриализация, альтернатива.

FOR CITATION

V. N. Ginev, M. N. Rumynskaya. Unpublished paper by R. Sh Ganelin of 2014 // Petersburg historical journal, no. 1, 2020, pp. 215–241

Abstract: The published article by R. Sh. Ganelin was finished literally a few days before his death on October 12, 2014. It was destined for a collection of works that was never published due to several reasons. R. Sh. emotionally protests against the assertion of a well-known publicist I. M. Klyamkin that collectivization at the turn of 1920s – 1930s was historically legitimate. At this point he holds with Academician D. S. Likhachov who protested unsuccessfully against the publication of I. M. Klyamkin's article in *Novy Mir* magazine in 1987. A preface to the article contains brief information on the circumstances and reasons of its creation; in an afterword R. Sh. Ganelin's opinions are introduced in the context of historiography of the period of Perestroika and subsequent years on collectivization and industrialization in the USSR.

Key words: D. S. Likhachov, R. Sh. Ganelin, I. M. Klyamkin, Controversy, Road to temple, *Novy Mir* magazine, Collectivization, Industrialization, Alternative.

Автор: Гинев, Владимир Николаевич – д. и. н., профессор.

Author: Ginev, Vladimir Nikolaevich – Doctor of Science in History, Professor.

E-mail: vginnev@mail.ru

Автор: Румынская Марина Николаевна – лаборант-исследователь Санкт-Петербургского института истории РАН.

Author: Rumynskaya Marina Nikolaevna – laboratory assistant-researcher of the St. Petersburg Institute of history, Russian Academy of Sciences.

E-mail: marina.rumin@mail.ru